

КРАША МАМУСА

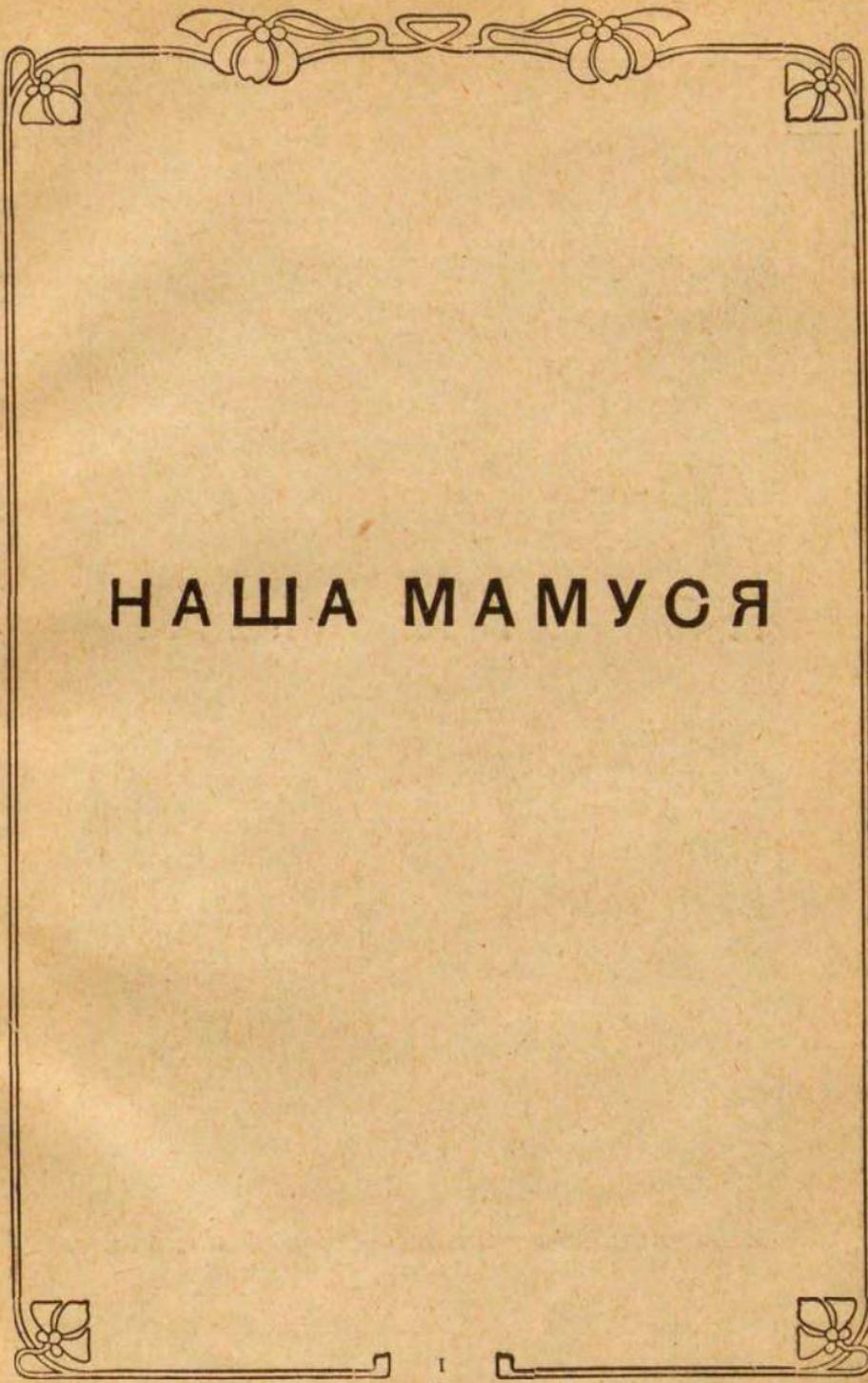

ИЗДАНИЕ Т-ВА М.О.ВОЛЬФЪ
~ ПЕТРОГРАДЪ ~ И ~ МОСКВА ~

2014079494

V⁶⁵
593.

A decorative border with floral motifs at the corners and top center, enclosing the text.

НАША МАМУСЯ

Мать учить дочку грамотѣ.—Мраморная группа
М. А. Чиждова.

7765
593.

НАША МАМУСЯ

□ □ □

СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ
□ □ ДЛЯ ДѢТЕЙ □ □

СОСТАВИЛЪ И. ГУРВИЧЪ

Со снимками съ произведеній русскихъ художниковъ.

□ □ □

ИЗДАНИЕ

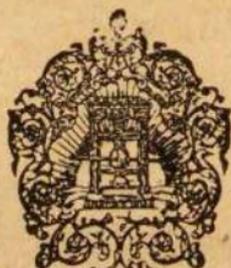
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

МОСКВА

Гост. Дворъ, 18 и Невск., 13 | Кузнецк. М., 12 и Мохов., 22,

1913

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Г-на М. О. БОЛЬШУХ
СПЕЦИАЛЬН. Сл. С. ДОТ. 16 АПП. С. С. С. Д. Д. Д.
1913

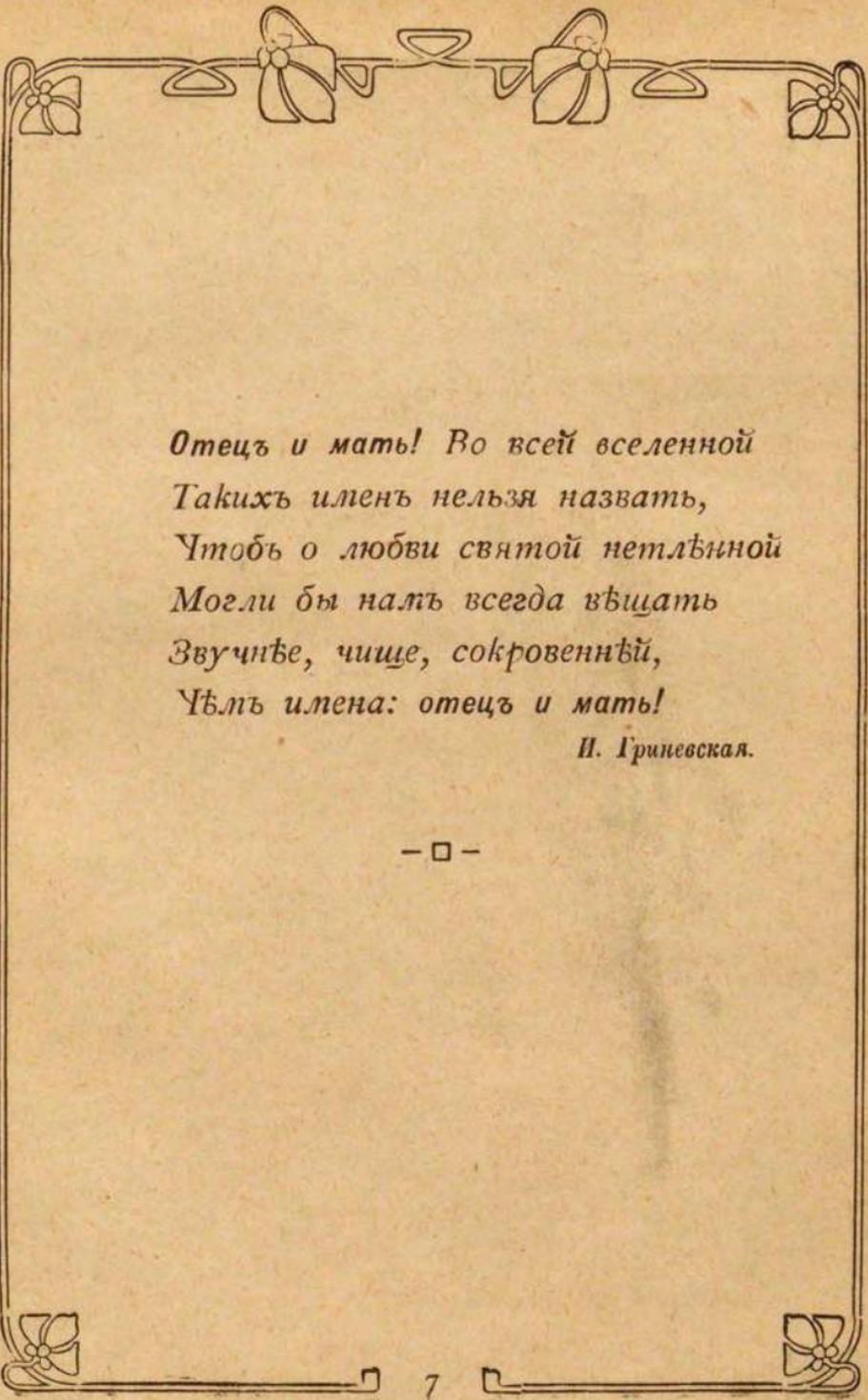
* * *

Мама дорогая... Мама!.. Это первое слово, какое мы впервые произнесли, когда въ младенчествѣ своемъ учились говорить.—Мать... Святое слово это... Священное имя это. Сколько свѣтлыхъ воспоминаній связано съ нимъ. Сколько чистыхъ радостей дѣтства соединено съ именемъ этимъ.

У всѣхъ народовъ и племенъ во всѣ времена, начиная отъ лѣтъ древнѣйшихъ и донинѣ, имя матери считалось и считается священнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, — кто отдаетъ человѣку всю свою любовь и ласку? Кто любитъ до самозабвенія, до готовности отдать жизнь свою?—Дорогая мать.—Кто своими страшными муками далъ намъ жизнь? Кто все свое сердце, весь свой покой отдаетъ дитяти?—Мать родная.—Кто ночи бессонныя просиживалъ надъ нашею колыбелью? Кто грудь свою, часто больную и изсохшую, подавалъ

намъ для кормленія? Кто въ младенчествѣ нашемъ чутко прислушивался къ каждому нашему крику, къ каждому нашему вздоху, къ нашему дыханію? — Все она, родная. — Кто скорбѣлъ нашими скорбями? Кто радовался нашими радостями? Кто съ нами плакалъ горькими неподкунными слезами? Кто воздыхалъ надъ нами тяжкими, горестными вздохами? — Все она и она, родимая. — Кто больше всѣхъ любитъ? Кто чаще всѣхъ плачетъ? Кто сильнѣе всѣхъ скорбитъ? Кто тяжелѣе всѣхъ тоскуетъ? — Мама, мама дорогая. — Кто больше всѣхъ безпокоится? Кто сильнѣе всѣхъ волнуется? Кто тяжелѣе всѣхъ душою страдаетъ? — Все она, родная!.. Все она, родная!..

— □ —

*Отецъ и мать! Во всей вселенной
Такихъ имень нельзя назвать,
Утобъ о любви святой нетлѣнной
Могли бы намъ всегда вѣщать
Звучнѣе, чище, сокровеннѣй,
Уѣль имена: отецъ и мать!*

И. Григлевская.

- □ -

Первый шагъ.—Скульптура О. О. Каменскаго.

МАТЬ И ДѢТИ.

Мама дорогая.

Кто васъ, дѣтки, крѣпко любить,
Кто васъ нѣжно такъ голубить,
Не смыкая ночи глазъ,
Все заботится о васъ?

— Мама дорогая!

Колыбель кто вамъ качаетъ,
Кто васъ нѣсней забавляетъ,
Кто игрушки вамъ даритъ
Или сказочку твердитъ?

— Мама золотая!

Если, дѣтки, вы лѣнны,
Непослушны, шаловливы,
Какъ бываетъ иногда,
Кто же слезы льетъ тогда?

— Все она, родная!

И. Кисиковъ.

— □ —

* * *

Кто малютокъ грѣть ласками?
Кто, цѣлуя, обнимая,
Говорить имъ рѣчи свѣтлыя?
Это—мама дорогая!

Кто за дѣтокъ жарко молится?
Кто ведетъ ихъ за собою?
Это—мама ненаглядная
Съ ясной, любящей душою!

М. Пожарова.

— □ —

* * *

Хорошо вамъ, дѣтки,
Зимнимъ вечеркомъ,
Въ комнаткѣ уютной
Сѣли вы рядкомъ.

Радость, любопытство
На лицѣ у васъ,
Слушаете жадно
Мамы вы разсказъ.

Пусть гудитъ сердце
Вьюга подъ окномъ,
Хорошо вамъ, дѣтки,
Въ гнѣздынкѣ своемъ!

А. Плещеевъ.

— □ —

Картинка.

Изъ школы дѣтки воротились;
 Какъ разрумянилъ ихъ морозъ!
 Вотъ у крыльца, хвостомъ виляя,
 Встрѣчаетъ ихъ лохматый песъ.
 Стучатся въ двери; отворяетъ
 Съ улыбкой доброй няня имъ:
 — Пришли! Небось, ужъ захотѣлось
 Покушать птенчикамъ моимъ!
 И, чмокнувъ няню, ребятишки
 Пустились въ комнату бѣгомъ;
 Трясется и ль подъ ихъ ногами,
 Весь ожилъ старый, тихій домъ!
 Отецъ угрюмъ; онъ въ кабинетѣ
 Все что-то пишетъ. Въ спальнѣ мать
 Лежитъ больная; мигомъ дѣти
 Къ ней забралися на кровать.
 Вотъ мальчикъ съ гордостью тетрадку,
 Изъ сумки вынувъ, показалъ.
 „Смотри-ка, мама, двѣ странички
 Я безъ ошибокъ написалъ“.
 — „А я сегодня рисовала, —
 Сказала дѣвочка, — взгляни,
 Какая сосенка густая,
 А возлѣ кустики и пни.
 Вѣдь все сама я, право, мама,
 Не поправлялъ учитель мнѣ...“

Молодая мать.—Картина И. А. Пелевина.

И мать недугъ свой забываетъ,
Внимая дѣтской болтовнѣ.

А. Плещеевъ.

— □ —

Больной ребенокъ.

Бѣдный мальчикъ весь въ огнѣ,
Все ему неловко!
— Лягъ на плечико ко мнѣ,
Прислонись головкой!
Я съ тобою похожу...
Подремли, мой мальчикъ,
Хочешь, сказочку скажу:
Жилъ-былъ мальчикъ съ палочкѣ...
Нѣтъ, не хочешь? Сказки—вздорь!
Пѣня лучше будетъ:
Зашумѣлъ сырѣ-темный боръ,
Лисѣ лисичку будитъ;
Во сыромѣ-темномѣ бору...
Задремалъ мой крошка!...
...Я малинки наберу
По моему лукошко
Во сыромѣ-темномѣ бору...
Тихе! засыпаетъ...
Словно итенчикъ, все въ жару
Губки раскрываетъ...
Во сыромѣ бору поетъ
Мать и ходить, ходить.

Тихо, долго ночь идетъ...
 Ночь ужъ день выводитъ;
 Мать поетъ... Рука у ней
 Затекла, устала,
 И не разъ слезу съ очей
 Бѣдная роняла...
 И едва дитя, въ жару,
 Вздрогнувъ, встрепенется—
Во темномъ-сыромъ бору
 Снова раздается.
 Отклони ударъ, уйди,
 Смерть, съ своей косою!
 Мать дитя съ своей груди
 Не отдастъ безъ бою!
 Заслонить средь всѣхъ тревогъ
 Всей душой своею
 Жизни чудный огонекъ,
 Что затепленъ ею!

А. Майковъ.

— □ —

Мать.

Съ какою нѣжностью покоить на рукахъ
 Она свое дитя въ задумчивомъ молчаньи!
 На сомкнутыхъ устахъ лежитъ печать стра-
 данья
 И ласка тихая въ опущенныхъ глазахъ...

Съ тревогою прижавъ дитя къ груди своей,
Въ его грядущее она глядитъ съ тоскою,
И хочетъ мать закрыть безпомощной рукою
Свое дитя отъ слезъ, печали и скорбей...

— □ — *Г. Галина.*

Мать.

Когда, довѣрившись злословью,
Друзья отхлынуть отъ тебя,
Какъ ангелъ станетъ къ изголовью
Родная, плача и любя.

— □ — *И. Гриневская.*

Мать и дѣти.

— „Что ты, мама, безпрестанно
О сестрицѣ все твердишь?
Въ лучшемъ мѣрѣ наша Лиза,
Ты сама намъ говоришь“.

— „Ахъ, я знаю, въ лучшемъ мѣрѣ!
Но въ томъ мѣрѣ нѣтъ луговъ,
Ни цвѣтовъ, ни травъ душистыхъ,
Ни веселыхъ мотыльковъ!“

— „Мама, мама! Въ Божьемъ небѣ
Божьи ангелы поютъ,
Ходятъ розовыя зори,
Ночи звѣздныя плывутъ“.

— „Ахъ, у бѣдной нѣтъ тамъ мамы,
Кто смотрѣлъ бы изъ окна,
Какъ съ цвѣтами, съ мотыльками
Въ полѣ рѣзвится она!“

А. Майковъ.

— □ —

Мать.

Съ еще безсильными крылами
Я видѣлъ птенчика во ржи,
Межъ голубыми васильками
У непротоптанной межи.

Надъ нимъ и надо мной витала,
Боялась мать не за себя,
И отъ него не улетала,
Тоскуя, плача и любя.

Д. Мережковскій.

— □ —

Передъ сномъ.

Передъ грядущимъ сномъ дитя, не умолкая,
Старушкѣ-нянюшкѣ вопросы задаетъ:

- О чемъ соловушко въ саду теперь поеть?
- Раздѣнься-ка скорѣй, теперь пора ночная!
- Ну, помолись, дитя, оставь свои вопросы...
- Молитвы, нянюшка, кто выдумалъ, скажи?
- Кто не умѣлъ роптать. Цѣлительны, какъ росы,
Молитвы для души. Ну, тихо полежи...

— Ты сядь и продолжай мнѣ про царевну
сказки...

— Вот мамочка идетъ тебя поцѣловать.

— А поцѣлуй кто придумаль?— Это мать
Для дѣтокъ дорогихъ придумала все ласки.

И. Гриневская.

— □ —

Матери и дѣти.

Вчера все утро я, безпечный какъ дитя,
Бродилъ по улицамъ, смотря, какъ расцвѣтають
Подснежники въ садахъ, и весело слѣдя,
Какъ тучки по небу проносятся и тають.
Быль часъ обѣденный, когда и редо мной
Большая улица предместья развернулась...
Гудѣлъ свистокъ на фабрикѣ... Домой
Голодная толпа рабочихъ потянулась...
Шли матери-работницы, спѣша
Къ голоднымъ дѣточкамъ... Ихъ грустная душа
Была полна заботъ; и не было имъ дѣла,
Что юная весна вездѣ цвѣла и пѣла
Мильономъ голосовъ, что теплый вѣтерокъ
Ужъ гдѣ-то колебалъ лазоревый цвѣтокъ
И тихо трепеталъ въ былинкахъ воскрешен-
ныхъ...

Нѣтъ, только личики малютокъ изнуренныхъ
Виднѣлись матерямъ сквозь нѣжный блескъ весны.
Минуты жалкія на отдыхъ имъ даны,

Мать и ребенокъ.—Группа О. О. Каменскаго.

Чтобъ только добѣжать до дѣтокъ истомленныхъ,
 Чтобъ только увидать ихъ бѣдный робкій взглядъ
 И покормить скорѣй... И поспѣшить назадъ--
 Туда, гдѣ надъ станкомъ, безъ солнца, безъ
 свободы,
 Ползуть за днями дни и за годами годы.

И. Горбуновъ-Посадовъ.

— □ —

* *
 *

Какъ мало въ дѣтствѣ мать мы цѣнимъ,
 Какъ послѣ мы живемъ мечтой
 Принасть къ ея худымъ колѣнямъ
 Своей усталой головой.
 Взглянуть на милыя морщинки,
 На чуть прѣмѣтныя слезинки,
 На черный вязанный платокъ,
 На все, чѣмъ раньше пренебрегъ.

И. Эрсибуръ.

— □ —

МОЛИТВА МАТЕРИ.

Святая слеза.

Да, есть слеза—слеза святая!
Нѣтъ въ мірѣ ничего святѣй
Слезы, что мать прольетъ родная
Порой въ молитвѣ за дѣтей.

Когда, склонясь къ ихъ изголовью,
Полны мольбой ея глаза,
Какую чистою мольбою
Предъ Богомъ свѣтится слеза!

Иванъ Бабинъ.

— □ —

* *
*

Дитя спитъ въ колыбели,
Сидитъ въ раздумьѣ мать
И глазъ своихъ не можетъ
Отъ сына оторвать.

Прозрачный блѣдный мѣсяцъ
Слегка скользить по немъ

Дрожащимъ, длиннымъ, бѣлымъ
Серебрянымъ лучомъ.

„Мой милый, милый мальчикъ, —
Такъ шепчетъ мать, — темно
Грядущее, кто знаетъ,
Что дастъ тебѣ оно?

Быть можетъ блескъ побѣды
И слава надъ тобой
Засвѣтять лучезарной
Немеркнущей звѣздой.

Быть можетъ ждетъ иное:
Тяжелая судьба,
Тернистый путь страданій,
Упорная борьба.

И я молюсь, мой милый,
Чтобъ силы ты имѣлъ
Любить, скорбѣть, трудиться,
Чтобъ стойкимъ быть умѣлъ,
Чтобъ предъ добра святыней,
Предъ правды алтаремъ
Стоялъ ты неподвижнымъ
Служителемъ-жрецомъ.

Нѣтъ цѣли лучезарнѣй,
Свѣтлѣе нѣтъ вѣнца,
Какъ за святыню правды
Бороться до конца“.

Мать смолкла, спитъ малютка,
 А мѣсяцъ все кругомъ
 Скользитъ дрожащимъ, длиннымъ
 Серебрянымъ лучомъ.

М. Ватсонъ.

— □ —

При свѣтѣ лучины въ убогой избѣ
 Ребенокъ безопасно играетъ,
 А вѣтеръ бушуетъ и свищетъ въ трубѣ,
 И вьюга въ поляхъ завываетъ.

Деревню сугробами всю занесло,
 Въ окошкахъ не видно просвѣта.
 И думаетъ мальчикъ: „ахъ, если-бъ пришло
 Скорѣй благодатное лѣто!“

Отецъ на него съ упованьемъ глядитъ,
 А мать, поправляя лучину,
 Прядетъ свою пряжу и съ вѣрой твердитъ
 Молитву за милаго сына:

„О, Господи, милостивъ будь, сохрани
 Его намъ, родного, на радость!
 Пошли ему въ юности свѣтлые дни
 И дай безпечальную старость!“

С. Д. Дрожжинъ.

— □ —

Выплылъ мѣсяцъ ясный
 Надъ большимъ селомъ,

Обливаетъ поле,
Избы серебромъ.

Тишь въ селѣ нѣмая,
Людь крестьянскій спитъ,
Только въ крайней хаткѣ
Огонекъ горитъ.

Предъ святой иконой,
Ницъ унавъ лицомъ,
Молится старушка
О сынкѣ родномъ.

Крестится старушка,
На полъ слезы леть...
Эта ли молитва
Къ Богу не дойдетъ?

А. Кругловъ

— □ —

Надъ кроваткой.

Слабо свѣтится лампадка,
Тишина кругомъ...
Въ бѣдной комнаткѣ въ кроваткѣ
Спитъ млытка тихо, сладко,
Спитъ спокойнымъ сномъ.
Недалеко молодая
Мать у свѣчки шьетъ,
Глазъ съ работы не спуская,
То и дѣло нить вдвѣзая,

Вѣдная мать безъ средствъ къ жизни. — Картина
Я. И. Турлыгина.

Пѣсенку поетъ:

„Сни, соколикъ мой родимый,
Тихо почивай!

Я съ тобой, дружокъ любимый,
Баюшки бай-бай.

Что-бъ съ тобою ни случилось,
Ты не унывай.

Вспоминай, какъ мать трудилась,
Какъ Творцу она молилась...

Баюшки бай-бай“.

И. Косляковъ.

— □ —

ВОСПОМИНАНІЯ О МАТЕРИ.

Мама.

Какъ люблю я вспомнить дорогіе годы,
Дѣтства золотого радостные дни!
Чуждые тревоги, чуждые невзгоды,
Пролетѣли вихремъ сказочнымъ они!
Помню домъ въ деревнѣ... Дѣтскую большую...
Кресло... Въ креслѣ маму... Тлѣющій каминь...
Шалуна-братинку... и сестру меньшую...
Сколько было въ дѣтствѣ сладостныхъ картинъ!
Мама въ креслѣ съ нами. Говорить намъ сказки.
Сколько въ нихъ волшебныхъ, непонятныхъ чаръ!
Разгорѣлись лица, разгорѣлись глазки,
Щечки такъ и пышутъ, пышутъ, какъ пожаръ.
Четверо мы въ креслѣ... Какъ уютно, сладко!
Какъ тепло и славно! Какъ чудесенъ міръ!
Чудный маминъ голосъ, поцѣлуй украдкой,
Взоръ прозрачно-синій, синій, какъ сапфиръ!
Гдѣ ты, дорогое дѣтство безъ заботы?
Гдѣ вы, дней отрадныхъ миръ и тишина?

Сърыхъ будней проза, хлопоты, работы—
 Вотъ чѣмъ вдругъ смѣнилась прежняя весна.
 Но теперь, какъ прежде, и всегда, и всюду
 Вижу взоръ я синихъ ласковыхъ очей...
 Этихъ глазъ до самой смерти не забуду,
 Какъ я не забуду и ея рѣчей.
 Далеко родная, но ея молитвы
 Велѣдъ за нами тихо птицами парять,
 Осѣняютъ душу въ часъ житейской битвы
 И въ туманномъ мракѣ звѣздами горять.

Л. Чарская.

— □ —

Во снѣ.

Чу! Шорохъ шаговъ и шумящаго платья...
 Несмѣлые звуки слышнѣй и слышнѣй...
 Вотъ нѣжное „здравствуй“, и чьи-то объятія
 Кольцомъ обвились вокругъ шеи моей!
 „Ты здѣсь, ты со мной, о моя дорогая.
 О, милая мама! Ты снова пришла...
 Какіе-жъ дары изъ далекаго края
 Ты бѣдному сыну съ собой принесла?
 Какъ въ прошлыя ночи, взяли-ль ты съ собою
 Съ луговъ его яркихъ, какъ день, мотыльковъ,
 Изъ рѣкъ его рыбокъ съ цвѣтной чешуею,
 Изъ темныхъ садовъ—ароматныхъ плодовъ?
 Споешь ли ты райскія пѣсни мнѣ снова,

Расскажешь ли снова, какъ въ блескѣ лучей
 И синихъ струяхъ оціамъ святого
 Тамъ носятся тѣни безгрѣшныхъ людей?
 Какъ ангелы въ полночь на землю слетають
 И бродять вокругъ поселеній людскихъ,
 И чистыя слезы молитвъ собирають,
 И выжуютъ жемчужныя нити изъ нихъ?
 Скорѣй же, скорѣй!
 И подъ тихія ласки,
 Обвѣявъ блаженствомъ нахлынувшихъ грезъ,
 Я сладко смыкаю усталые глаза,
 Прельнувши къ лодушкѣ, намокшей отъ слезъ.

С. Надсонъ.

— □ —

* *
*

Я посѣтилъ заброшенный нашъ садъ:
 Онъ все темнѣй, прохладнѣй съ каждымъ годомъ.
 Въ немъ семь ключей сверкають и гремятъ,
 Вершины лишь таинственно шумятъ.
 Я ихъ люблю: подъ ихъ зеленымъ сводомъ
 Тиха, какъ ночь, и легкая, какъ тѣнь,
 Ты, мать моя, бродила каждый день...

Луна взошла и садъ осеребрила.
 Подъ сводомъ лишь недвижно я стоялъ,
 Которыхъ сѣнь, родная, ты любила.
 Я ждалъ тебя и не напрасно ждалъ...

„Ты вновь со мной!“ — негольно восклицаю.
 „Ты вновь со мной!“ Кружится голова.
 Чу, тихій плачь, чу, шопоть! Я внимаю
 Слова, знакомыя слова!

И. Некрасовъ.

— □ —

Мать.

И дни, и ночи до утра
 Въ степи бураны бушевали,
 Дорогу снѣгомъ заметали
 И заносили хутора.
 А домъ стоялъ въ открытомъ полѣ
 Печальнымъ сторожемъ степнымъ,
 И вѣтеръ бѣшенный надъ нимъ
 Какъ будто тѣшилъ на волѣ.
 Онъ крышу снесъ, ворвался въ домъ,
 И стекла въ рамахъ др безжали,
 И снѣгъ сухой въ старинной галѣ
 Кружился въ сумракѣ ночномъ.

Но былъ огонь... Не угасая,
 Въ пристройкѣ робко онъ свѣтилъ,
 И кто-то тамъ всю ночь ходилъ,
 Глазъ до разсвѣта не смыкала.
 То мать была. Забывши страхъ,
 Она одна насъ не кидала,
 Съ больнымъ ребенкомъ на рукахъ

Мать и дитя.—Скульптура П. Трубецкого.

Она одна душой страдала.
Она мерцавшую свѣчу
С аринной книгой заслонила
И, положивъ его къ плечу,
Все напѣвала и ходила...

И ночь тинулась безъ конца...
Порой, дѣмотой обвѣвая,
Шумѣла тише вьюга злая,
Шуршала снѣгомъ у крыльца.
Когда-жъ бурань въ похвѣвѣ дикомъ
Внезапнымъ шкваломъ налетѣла,
Казалось ей, что домъ дрожалъ,
Что кто-то слабымъ далъ нѣтъ крикомъ
Въ степи на помощь призывалъ.
И до утра не разъ слезами
Ея усталый взоръ блѣстѣлъ,
А мальчикъ вздрагивалъ, глядѣлъ
Большими темнымъ глазами.

Далеко хуторъ мой родной...
Давно прошли тѣ дни и ночи,
Когда я видѣлъ предъ собой
Ея заплаканныя очи.
Но не забыть ихъ ни когда!
Во тьмѣ житейскаго несчастья,
Въ часы разлума и труда
Я вспоминаю ихъ, какъ счастье,
Какъ радость дѣства моего,

Мать и больной ребенокъ.—Картина В. М. Лемоха.

Какъ утѣшенье предъ разлукой,
 Какъ ласку нѣжную того,
 Кто далъ мнѣ жизнь своею мукой!

Иванъ Бунинъ.

— □ —

Родимый очагъ.

Гдѣ пылалъ огонекъ вечеркомъ,
 Ходить вѣтеръ теперь, завывая,
 И безъ крыши стоитъ отчій домъ,
 И запущена нива родная.

Вотъ онъ, вотъ нашъ родной уголокъ!
 Мать бывало придетъ у окошка
 И за пралкой поетъ, а у ногъ
 Ея дремлетъ, мурлыкая, кошка.

Убаюкаетъ мать насъ, дѣтей,
 На ночь пѣсенкой нашей любимой,
 И до розовыхъ утра лучей
 Затихаетъ очагъ нашъ родимый.

А. Плещевъ.

— □ —

Старая сказка.

Глухо стонетъ вьюга, стонетъ и рыдаетъ
 И въ окно стучитъ костлявою рукой...
 Жгучій страхъ мнѣ сердце дѣтское сжимаетъ:
 „Мама, дорогая, сядь, побудь со мной!..“

И она прильнула нѣжно къ изголовью,
 Нѣжно лобъ мой гладить, въ очи мнѣ глядить,

И подь голосъ вьюги лаской и любовью,
Грустью и заботой рѣчь ея звучить...

Какъ она прекрасна! Въ трепетномъ сѣньи
Ночника она склонилась надо мной,
Точно свѣтлый ангель въ блѣдомъ одѣяньи—
Только легкихъ крыльевъ нѣту за спиной...

С. Надсонъ.

— □ —

Картина.

Малютка свѣтлокудрый
Склонился надъ столомъ
И что-то на бумагѣ
Строчить, строчить перомъ.

— Что пишешь ты, Ванюша,
Что пишешь цѣлый часъ,
Головкой свѣтлокудрой
Надъ столкомъ склонясь?

— „Письмо тутъ сочиняю
Я мамочкѣ своей,
Чтобы къ Ванѣ издалека
Вернулась поскорѣй“...

Ахъ, бѣдный, милый мальчикъ!
Ужъ не вернется мать:
Давно она въ могиль,
Откуда ей не встать...

И. Гураичъ.

* * *

Мнѣ никто не скажетъ за урокомъ „слушай“,
 Мнѣ никто не скажетъ за обѣдомъ „кушай“,
 И никто не назоветъ меня Илюшей,
 И никто не сможетъ приласкать,
 Какъ меня ласкала маленькаго мать.

И. Эренбургъ.

— □ —

М а т ь .

Крошка въ жару разметался... Не спать...
 Кто въ изголовьѣ малютки сидитъ,
 Сбоку къ нему прикурнувъ на кровать,
 Губы кусаетъ, чтобъ вслухъ не рыдать?

Это—мать!

Школьникъ надъ книжкой сидитъ по ночамъ.
 Надо учиться... Какъ больно глазамъ!
 Мозгъ утомился, и хочется спать...
 Кто его будетъ бодрить, утѣшать?

Только—мать!

Выстрѣлы... грохотъ средь чуждыхъ равнинъ...
 Смерть недалеко... Сражается сынъ.
 Кто его будетъ мучительно ждать,
 Страстно молился и жгуче страдать?

Та же мать!

Л. А. Чарская.

— □ —

Тоска по матери.

Съ чешскаго).

Если-бъ я птичкою сталъ быстрокрылой,
 Вмигъ полетѣлъ бы я къ матушкѣ милой;
 Къ ней я спустился бы, сѣлъ ей на плечи,
 Снова услышалъ бы нѣжныя рѣчи.
 Матушка милая! Сколько въ разлукѣ
 Я почувствовалъ скорби и муки!
 Нѣжной любви ты меня научила,
 Чувство глубокое въ душу вложила...
 Что же мудренаго, если порою
 Такъ безотрадно мнѣ жить сиротою?..
 Только тогда бы мнѣ жизнь улыбнулась,
 Если бы снова ты къ сыну вернулась!

И. Повичъ.

— — —

Молитва о матери.

На паперти храма, прижавшись пугливо,
 Какъ къ вѣрному другу, къ церковнымъ дверямъ,
 Оборванный мальчикъ стоялъ сиротливо;
 Печальный свой взглядъ устремивъ къ образамъ,
 Онъ тихо молился: „О, Господи, милый,
 Пришли поскорѣй мою маму опять;
 Зачѣмъ Ты закрылъ ее темной могилой,
 Въ которой ей душно и тяжело лежать?“

Онъ видѣлъ сквозь слезы, что кротко Спаситель
 Глядѣлъ на него со стѣны золотой,
 И тихо какъ будто шепталъ Утѣшитель:
 „Не плачь, твоя мама повсюду съ тобой!“

Е. Арцыбашева.

— □ —

Мать.

Я видѣлъ мать: предъ тусклою лампадой,
 Съ иглой въ рукахъ, печальна и блѣдна,
 Поникла съ горькою отрадой
 Надъ дѣтскимъ платищемъ она.

О, сколько въ головѣ ея усталой
 Роилось заботъ и больно сердце жгло:
 Какъ доскутокъ приладить обветшалый,
 Чтобъ милой грудкѣ, слабенькой и вналой,
 На завтра было мягко и тепло.

С. Фрузь.

— □ —

У родного дома.

Прохожу вечеркомъ мимо дома стариннаго,
 Гдѣ моя ароматная юность промчалась...
 Золотая страница изъ дѣтства невиннаго
 Расцвѣла предо мной, серебръ мѣ размѣялась.

Вновь я полонъ блаженною, сладкою думою
 О моемъ невозвратномъ лазурномъ быломъ,
 Но глядеть недовѣрчиво окна угрюмыя:

„Проходи, незнакомъ!“

Тамъ чужіе живутъ, непонятныя радости
 Тамъ свиваютъ гнѣздо, о любви напѣвая...
 Вновь я полонъ безумно-плѣнительной сладости:
 Кто стоитъ у окна?—Это мама родная...
 Она младшаго сына съ тоской дожидается,
 Ей разлука короткая съ милымъ горька...
 Снова нѣжная радость въ груди распускается,
 И къ звонку моя тянется робко рука.
 Но отъ грезъ пробуждаюсь съ тяжелою думою,—
 Дѣтство, юность моя—позади...
 И глядеть неприязненно окна угрюмыя:

„Проходи!“

Анатолій Доброхотовъ.

— □ —

Мать и сынъ.

Онъ вернулся домой, невредимый,
 Послѣ бури военныхъ годинъ,
 Ея первенецъ нѣжно любимый,
 Ея милый единственный сынъ.
 И не знаетъ старушка, какъ сына
 Послѣ долгой разлуки принять,

И съ очей улетѣла кручина,
И хлопочеть счастливая мать.
„Горячо я, родимый, молилась
Передъ Матерью Божьей въ слезахъ,
Чтобъ она за тебя заступилась
И хранила въ кровавыхъ бояхъ.
И услышала Матерь Господня...
Ты усталъ, мой сыночекъ, усни...
И тебя я цѣлую сегодня,
Какъ въ бытые младенчества дни.
Ну, а ты, дорогой мой, прекрасный,
Никого ты въ бою не убилъ,
Мать другого не сдѣлалъ несчастной,
Не прибавилъ угрюмыя могилъ?“
И лампада печально горѣла
Передъ образомъ кроткимъ Христа;
Мать съ вопросомъ на сына глядѣла,
Но молчали сыновьи уста...

Анатолій Доброхотовъ

— □ —

ВЪ ДѢТСКОЙ.

ВЪ ДѢТСКОЙ.

„Ангель-хранитель надъ тобой!“
Я помню спальню и лампадку,
Игрушки, теплую кроватку
И милый, грустный голосъ твой:
„Ангель-хранитель надъ тобой!“

Бывало, раздѣваетъ няня
И полушопотомъ бранить,
А сладкій сонъ, глаза тумана,
Къ ея плечу меня клонить.

Келейный свѣтъ передъ божницей
Мерцаетъ тихо, и порой
Она казалась мнѣ гробницей.
Но тутъ заботливой рукой
Мать перекрестить, кротко взглянетъ:
„Ангель-хранитель надъ тобой!“
И на душѣ такъ сладко станетъ.

И. Бунинъ.

— □ —

Первый шагъ.

Ребенокъ первый разъ ступаетъ,
 Мать за руку его везетъ.
 Онъ слабъ—силенки не хватаетъ,
 Но будетъ время—самъ пойдетъ.
 Дитя ступаетъ... И, сіяя,
 Хотя съ тревогою въ очахъ,
 За нимъ слѣдить его родная:
 „Пришелся-ль въ пору первый шагъ?
 О если-бъ ровной и прямою
 Всю жизнь стезя твоя была!“
 И взоръ съ невольною мольбою
 Родная къ небу подняла.
 „Смотри, дитя, чтобъ стало силы
 И не сбивался ты съ пути!
 Будь твердъ и стоекъ до могилы,
 Чтобъ съ честью каждый шагъ пройти!“

Кальюла.

— □ —

Мама у кровати больного мальчика.

Весь въ жару малютка,
 Мечется, не спитъ,
 Раскидаль ручонки,
 Какъ огонь горить.

Мать. — Картина Пелевина.

Тихо бредить:—Мама!
 Сказку мнѣ скажи;
 Книжечку съ картинкой
 Дай мнѣ, покажи...
 Въ лѣсъ пойдемъ скорѣе,
 Будемъ тамъ гулять...
 — Успокойся, милый!—
 Тихо шепчетъ мать,—
 Вотъ весна настанетъ,
 Зацѣтутъ цвѣты,
 На лугу зеленомъ
 Будешь бѣгать ты.
 Наберешь цвѣточковъ,
 Милый мой сыночекъ,
 Я тебѣ красивый,
 Заплету вѣнокъ...
 Но не слышитъ мальчикъ,
 Какъ въ огнѣ горитъ;
 Мать, убита горемъ,
 Передъ нимъ стоитъ...

Ив. Бьлоусовъ.

— □ —

Мать.

Мать качаетъ колыбель,
 Пѣсни напѣваетъ,

Въ пѣснѣ дитятко свое
 Всячески ласкаетъ:
 „Сни, мой милый, дорогой,
 Сизый голубочекъ,
 Засни, звѣздочка моя,
 Розовый цвѣточекъ“.
 Мать качаетъ и поетъ...
 Мѣсяцъ съ неба свѣтитъ.
 Чѣмъ-то ей на пѣсни сынъ
 Въ будущемъ отвѣтитъ...

А. Кружовъ.

— □ —

Спокойной ночи!

День прошелъ, давно стемнѣло,
 И въ кровать пора.
 Будутъ спать теперь малютки
 Сладко до утра;
 Прежде стануть предъ иконой,
 „Отче нашъ“ прочтутъ,
 Съ папой, съ мамою простятся,
 Ванночку возьмутъ;
 Завернутся въ одѣяльца
 Теплыя потомъ
 И забудутся спокойнымъ,
 Благодатнымъ сномъ.
 Часъ иль два, а можетъ больше

Времени пройдетъ:
 Скрипнетъ дверь, и тихо мама
 Въ дѣтскую войдетъ;
 Осторожно перекрестить
 Всѣхъ ребятъ она
 И шепчетъ съ мольбой во взорѣ,
 Нѣжности полна:
 —Боже, дай имъ силу и росту,
 И здоровья дай!
 Слите, милыя, спокойно...
 Баюшки-бай-бай!..

Н. Позняковъ

— □ —

О, моя дѣточка!

(Пѣсни матери).

О, моя ласточка, о, моя дѣточка!
 Въ мѣрѣ холодномъ съ тобой мы одни,
 Радость и горе раздѣлимъ мы поровну,
 Крѣпче къ надежному сердцу прильни.
 Мы не измѣнимся, мы не разстанемся,
 Будемъ мы вмѣстѣ и ночи, и дни.
 Вмѣстѣ съ тобою навѣкъ успокоимся...
 Спи, моя радость, усни.

К. Бальмонтъ.

— □ —

Больной ребенокъ.

Тихо въ комнаткѣ убогой.
 Спать дитя, а мать чуть дышитъ,
 Притаилась и съ тревогой
 Каждый вздохъ ребенка слышитъ;
 Отвести не можетъ взгляда:
 „Что-то бѣдненькому снится?“...
 Тускло свѣтится лампада,
 И икона серебрится.

Спать дитя. Порою глазки
 Вдругъ блеснуть изъ-подъ рѣсницы;
 Словно пчелы вьются сказки,
 Пѣсни носятся какъ птицы.
 Вотъ сапожки-скороходы
 Онъ надѣлъ и невидимо
 Мчится... Царства и народы
 По дорогѣ—мимо, мимо...

Кто-то стукнулъ за стѣною,
 И дитя открыло глазки.
 Словно птички подъ грозюю,
 Разлетѣлись сны и сказки.
 —Мама! мама!...—Что, малютка?..
 Ждетъ отвѣта и нѣмѣть...
 Сердце бьется жутко, жутко...
 Рада-бъ плакать, да не смѣть.

— Въ небо я леталъ, родная,
 Бѣлый ангелъ былъ со мною,
 И смѣялись мы, играя
 Самой яркою звѣздою.
 Тутъ зима, а въ небѣ лѣто,
 Тамъ земля-то голубая...
 Только ангелъ, — правда это, —
 На тебя похожъ, родная?

Вас. Немировичъ Данченко

— □ —

ОТРЫВКИ
ИЗЪ ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ
РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Любовь матери.

Не измѣняетъ и не охладѣваетъ любовь матери, ея ни уменьшить, ни подкупить ничѣмъ нельзя. Вѣкъ свой одна и та же. Мать любитъ безъ толку и безъ разбору. Велики вы, славны, красивы, горды, переходитъ имя ваше изъ устъ въ уста, гремятъ ваши дѣла по свѣту—голова старушки трясется, отъ радости она плачетъ, смѣется и шепчетъ: „Это мой!“ А тамъ затеплить лампадку передъ образомъ Спасителя и молится долго и жарко. А сынокъ большею частью и не думаетъ подѣлиться славою съ родительницею. Нищи ли вы духомъ и умомъ, отмѣтила ли васъ природа клеймомъ безобразія, точитъ ли жало недуга ваше сердце или тѣло, наконецъ, тяготѣетъ ли надъ вами общее презрѣнiе, отталкиваютъ ли васъ отъ себя люди, и нѣтъ вамъ мѣста между ними,—тѣмъ болѣе мѣста въ сердцѣ ма-

тери. Она сильнѣе прижимаетъ къ груди уродливое, неудавшееся чадо и молится еще долѣе и жарче.

И. Гончаровъ.

— □ —

Материнская любовь.

Помню я до сихъ поръ, какъ въ зимніе вечера, когда я, бывало, окончивъ уроки, усну на своей постелькѣ, а она все еще сидитъ и шьетъ, спокойная, безмятежная. Какъ я любилъ ея кроткое худенькое личико; какъ тихъ былъ ея поцѣлуй, когда она, сложивъ работу и уходя спать, нацыпочкахъ подходила ко мнѣ, осторожно прижимала свои горячія губы къ моей дѣтской головкѣ. Часто не спалъ я въ эти минуты и только потому не отвѣчалъ поцѣлуями на ея поцѣлуй, чтобы не дать ей повода думать, что она неосторожно разбудила меня или что я не сплю отъ нездоровья. Я жмуриль глаза, притворился спящимъ и чувствовалъ, что она стоитъ надо мной, заслонивъ свѣчу рукою, и долго-долго любитъ моимъ лицомъ.

О, святая, благодатныя мгновенія, полныя кроткой материнской любви! Не вы ли сдѣлали меня лучшимъ, чѣмъ я былъ? Не вашъ ли свѣтъ запалъ въ мою душу и навсегда согрѣлъ ее? Не вашъ ли свѣтъ научилъ меня любить все достойное

любви и прощать недостатки людей, никогда не въ-
давшихъ благотворнаго вліянія материнской любви?..

А. К. Шеллеръ-Михайловъ.

— □ —

Мама.

Для человѣка въ 10 лѣтъ мама обнимаетъ три четверти жизни. Встаётъ ли онъ утромъ, учитъ ли нѣмецкія слова, ѣсть ли за завтракомъ котлетку съ огурцомъ, сражается ли съ сестрой въ свои козыри, охотится ли, слушаетъ ли сказку, ложится ли спать, страдаетъ, здоровъ или боленъ—всегда, на всехъ путяхъ его маленькой жизни за нимъ слѣдитъ свѣтлый духъ—мама. Быть можетъ, ея нѣтъ въ тотъ, иной моментъ. Она можетъ уѣхать въ гости, уйти въ амбаръ, на птичникъ, но это ничего не значить. Ее можно найти, прибѣжать къ ней, разрыдаться въ ея объятіяхъ, если случилось что-нибудь ужасное, напримѣръ, убили любимую собаку.

Когда маленькій человѣкъ заболѣлъ, на лицо мамы ложится тѣнь. Она спокойна, сдержанна, но волнуется. Посовѣтовавшись съ фельдшеромъ Астахомъ, она даетъ хины, ставитъ компрессъ согрѣвающій, смѣряетъ температуру черненькимъ термометромъ—подъ ея умѣлыми руками не можетъ болѣзнь не поддаться. А глухой ночью, когда

отъ жара начинается кошмаръ, она наклонится, въ бѣлой кофточкѣ, возьметъ къ себѣ на постель, и при ней духи тьмы не осмѣлятся приблизиться.

И первая, кому радуется и кого любитъ выздоравливающій ребенокъ, это тоже мама. По ея лицу онъ видитъ, что прошло тяжелое, и вновь пойдутъ утра и игры, ясные зимніе дни, коньки, лыжи, бѣлые морозы и иней.

Б. Зайцевъ.

— □ —

Кого больше любить мама.

Поспорили дѣти о томъ, кого изъ нихъ мама больше любитъ.

— Конечно, меня, — восклицаетъ Филя, — я старшій.

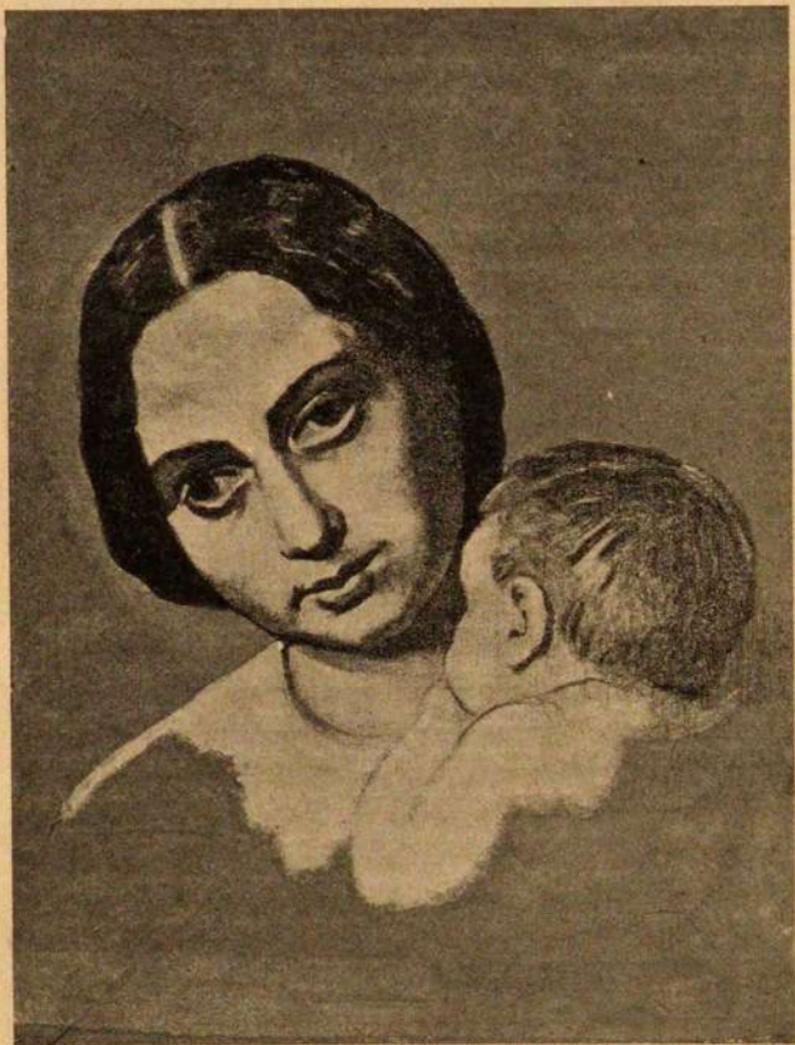
— Нѣтъ, меня, — возражаетъ Валя, — такъ какъ я маму всегда цѣлую и обнимаю.

— Все не тебя, а меня, — споритъ Степа, — я мамѣ помогаю по хозяйству, пыль въ ея комнатѣ вытираю.

— Мама меня больше любитъ, потому что я самый маленькій, — говоритъ Боря.

Спорили, спорили дѣти, наконецъ рѣшили спросить маму, кто изъ нихъ правъ.

— Дѣтки мои, — отвѣтила мать, — всѣхъ я

Мать и ребенокъ.—Картина А. Иванова.

васъ люблю, но больше всего люблю изъ васъ того, кто всегда послушенъ, никогда не капризничаетъ, не шалить, не огорчаетъ меня. Вотъ и рѣшите теперь сами, кто изъ васъ заслужилъ наибольшую любовь.

Дѣти сконфузились; каждый изъ нихъ чувствовалъ за собою какой-нибудь грѣшокъ, каждый припомнилъ, какъ не разъ и не два своимъ упрямствомъ, капризомъ или шалостью огорчалъ маму.

Вик. Русаковъ.

— □ —

Мать и больное дитя.

Я начинаю себя помнить очень больнымъ, и не въ началѣ болѣзни, которая тянулась слишкомъ полтора года, не въ концѣ ея, когда я уже оправлялся, — нѣтъ, именно помню себя въ такой слабости, что каждую минуту опасались за мою жизнь... Я иногда лежалъ въ забытьи, въ какомъ-то среднемъ состояннн между сномъ и обморокомъ; пульсъ почти переставалъ биться, дыханіе было такъ слабо, что прикладывали зеркало къ губамъ моимъ, чтобы узнать, живъ ли я. Но я помню многое, что дѣлали со мной въ то время, и что говорили около меня, предполагая, что я уже ничего не вижу, не слышу и не понимаю,

что я умираю. Доктора и всѣ окружающіе давно осудили меня на смерть. Страданій матери моей описать невозможно; но восторженное присутствіе духа и надежда спасти свое дитя никогда ея не оставляли. „Матушка Софья Николаевна, — не одинъ разъ говорила, какъ я самъ слышалъ, преданная ей душою дальняя родственница Чупрунова: — перестань ты мучить свое дитя: вѣдь ужъ и доктора, и священникъ сказали тебѣ, что онъ не жилецъ. Покорись волѣ Божьей: положи дитя подъ образа, затѣли свѣчку и дай его ангельской душенькѣ выйти съ покоемъ изъ тѣла. Вѣдь ты только мѣшаешь ей и тревожишь ее, а пособить не можешь...“ Но съ гнѣвомъ встрѣчала такія рѣчи моя мать и отвѣчала, что, покуда искра жизни тлѣетъ во мнѣ, она не перестанетъ дѣлать все, что можетъ, для моего спасенія, — и снова клала меня, безчувственного, въ крѣпительную ванну, вливала въ ротъ рейнвей у или бульону, цѣлые часы растирала мнѣ грудь и спину голыми руками, а если и это не помогало, то наполняла легкія мои своимъ дыханіемъ — и я, послѣ глубокаго вздоха, начиналъ дышать сильнѣе, какъ будто просыпался къ жизни, получалъ сознаніе, начиналъ принимать пищу и говорить и даже поправлялся на нѣкоторое время.

С. Аксаковъ.

— □ —

Николенька и его мама.

Счастливая, счастливая пора дѣтства! Набѣгавшись досыта, сидишь бывало за чайнымъ столомъ, на своемъ высокомъ креслицѣ; уже поздно; давно выпилъ свою чашку молока съ сахаромъ; сонъ смыкаетъ глаза, но не трогаешься съ мѣста, сидишь и слушаешь. И какъ не слушать! Мамаша говоритъ съ кѣмъ-нибудь, а звуки голоса ея такъ сладки, такъ привѣтливы. Одни звуки эти такъ много говорятъ моему сердцу. Отуманенными дремотой глазами, я пристально смотрю на ея лицо, и вдругъ она вся сдѣлалась маленькая, маленькая—лицо ея не больше пуговики, но оно мнѣ все такъ же ясно видно! Вижу, какъ она взглянула на меня и улыбнулась. Мнѣ нравится видѣть ее такой крошечной. Я прищуриваю глаза еще больше, и она дѣлается не больше тѣхъ мальчишекъ, которые бываютъ въ зрачкахъ; но я пошевелился—и счарованіе разрушилось; я суживаю глаза, поворачиваюсь, всячески стараюсь возобновить его, но напрасно. Я встаю, съ ногами забираюсь и уютно укладываюсь на кресло.

— Ты опять заснешь, Николенька,—говоритъ маѣ мамаша.—Ты бы лучше шель наверхъ.

— Я не хочу спать, мамаша,—отвѣтишь ей, и не ясныя, но сладкія грезы наполняютъ мое

На рукахъ у мамы.—Картина М. И. Зоценко.

воображеніе, здоровый дѣтскій сонъ смыкаетъ вѣки, и черезъ минуту забудешься и спишь до тѣхъ поръ, пока не разбудятъ. Чувствуешь бывало впросонкахъ, чья-то нѣжная рука трогаетъ тебя; по одному прикосновенію узнаешь ее и еще во снѣ схватишь эту руку и крѣпко прижмешь ее къ губамъ.

Всѣ уже разошлись; одна свѣчка горитъ въ гостиной; мамаша сказала, что она сама разбудить меня; это она присѣла на кресло, на которомъ я сплю, своей чудесной нѣжной ручкой провела по волосамъ, и надъ ухомъ моимъ звучитъ милый, знакомый голосъ: „Вставай, моя душечка, пора идти спать“.

Ничьи равнодушные взоры не стѣсняють ея: она не боится излить на меня всю свою нѣжность и любовь. Я не шевелюсь, но еще крѣпче цѣлую ея руку. „Вставай же, мой ангелъ“.

Она другой рукой беретъ меня за шею, и пальчики ея быстро шевелятся и щекотятъ меня. Въ комнатѣ тихо, полутемно, нервы мои возбуждены щекоткой и пробужденіемъ. Мамаша сидитъ подлѣ самого меня; она трогаетъ меня; я слышу ея запахъ и голосъ. Все это заставляетъ меня вскочить, обвить руками ея шею, прижать голову къ ея груди и, задыхаясь, сказать:

— Ахъ, милая, милая мамаша, какъ я тебя люблю!

Она улыбается своей грустной, очаровательной улыбкой, беретъ объими руками мою голову, цѣлуетъ меня въ лобъ и кладетъ къ себѣ на колѣни.

— Такъ ты меня очень любишь?—Она молчитъ съ минуту, потомъ говоритъ:—Смотри, всегда люби меня, никогда не забывай. Если не будетъ твоей мамаша, ты не забудешь ея? Не забудешь, Николенька?

Она еще нѣжнѣе цѣлуетъ меня.

— Полно, и не говори этого, голубчикъ мой, душенька моя!—вскрикиваю я, цѣлую ея колѣни, и слезы ручьями льются изъ моихъ глазъ,—слезы любви и восторга.

Послѣ этого, какъ бывало приходишь наверхъ и станешь предъ иконами, въ своемъ ваточномъ халатцѣ, какое чудесное чувство испытываешь, говоря: „спаси, Господи, папелъку и маменьку“. Повторяя молитвы, которыя въ первый разъ лепетали дѣтскія уста мои за любимой матерью, любовь къ ней и любовь къ Богу какъ-то странно сливались въ одно чувство.

Л. Толстой.

— □ —

Посѣщеніе матери.

Яркое солнце лить косые лучи въ нашу классную комнату, а у меня, въ моей маленькой

комнаткѣ, въ пансіонѣ, сидитъ гостя. Я тотчасъ узналъ эту гостью, какъ только она вошла: это была мама. Мы сидѣли вдвоемъ, и я странно къ ней приглядывался. Потомъ, уже много лѣтъ спустя, я узналъ, что она тогда прибыла въ Москву на свои жалкія средства единственно, чтобъ со мной повидаться. Съ ней былъ узелокъ, и она развязала его: въ немъ оказалось шесть апельсиновъ, нѣсколько пряниковъ и два обыкновенные французскіе хлѣба. Но къ гостинцамъ я даже не приотронулся. Апельсины и пряники лежали предо мною на столикѣ, а я сидѣлъ, потушивъ глаза. Кто знаетъ, можетъ быть, мнѣ очень хотѣлось тоже не скрыть отъ нея, что посѣщеніе ея, такой бѣдной, меня даже передъ товарищами стыдить. Искоса только я оглядывалъ ея темненькое старенькое платьице, довольно грубыя, почти рабочія руки, совсѣмъ уже грубые ея башмаки и сильно похудѣвшее лицо.

Она поднялась, наконецъ, уходить. Вдругъ вошелъ Тушаръ (начальникъ пансіона) и спросилъ ее, довольна ли она успѣхами своего сына. Мама начала благодарить его, стала просить „не оставить сиротки“ и со слезами на глазахъ поклонилась ему глубокимъ поклономъ. Наконецъ, мама обернулась ко мнѣ и со слезами, блеснувшими на глазахъ, проговорила: „Прощай, голубчикъ“ и

поцѣловала меня. Ей, видно, хотѣлось бы и еще поцѣловать меня, обнять, прижать; но совѣстно ли стало ей самой при людяхъ, или отъ чего-то другого горько, или уже догадалась она, что я ея устыдился, но только она, поспѣшно поклонившись еще разъ, направилась выходить.

Я спустился за мамой, мы вышли на крыльцо. Она повернулась ко мнѣ и не выдержала, положила мнѣ сбѣ руки на голову и заплакала надъ моей головой.

— Маменька, полноте-съ... стыдно... вѣдь они изъ окошка теперь это видятъ-съ...

Она векинулась и заторопилась.

— Ну, Господи... ну, Господь съ тобой... ну, храни тебя ангелы небесные... голубчикъ ты мой, милый ты мой! Да, стой, голубчикъ!..

Она поспѣшно всунула руку въ карманъ и вынула платочекъ, синенькій клѣтчатый платочекъ, съ крѣпко завязаннымъ на концѣ узелочкомъ, и стала развязывать узелокъ.. но онъ не развязывался.

— Ну, все равно, возьми съ платочкомъ; пригодится, можетъ, четыре двугривенныхъ тутъ, можетъ, понадобятся; прости, голубчикъ, больше-то какъ разъ сама не имѣю... прости, голубчикъ...

Я взялъ платочекъ, и она, наконецъ, ушла.

Прошли цѣлые полгода. Я про маму совсѣмъ забылъ. И вотъ какъ-то разъ, въ вечернія сумерки, сталъ я прибирать для чего-то въ моемъ ящикѣ и вдругъ въ уголкѣ увидѣлъ синенькій платочекъ ея. Я вынулъ его, тотчасъ прижалъ его къ моему лицу и вдругъ сталъ его цѣловать. „Мама, мама“ шепталь я, вспоминая, и всю грудь мою сжимало, какъ въ тискахъ. „Мамочка, мама, гдѣ ты теперь, гостя ты моя далекая? Покажись ты мнѣ хоть разочекъ теперь, приснись ты мнѣ хоть во снѣ только, чтобъ только я сказала тебѣ, какъ люблю тебя, только, чтобъ обнять тебя и поцѣловать твои глазки, сказать тебѣ, что я совсѣмъ тебя ужъ теперь не стыжусь, и что я тебя и тогда любилъ и что сердце мое ныло тогда. Не узнаешь ты, мама, никогда, какъ я тебя тогда любилъ! Мамочка, гдѣ ты теперь?...“

Ф. М. Достоевскій.

— □ —

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Предисловіе	5
Отецъ и мать <i>И. Гриневской</i>	7

МАТЬ И ДѢТИ.

Мама дорогая <i>И. Кослякова</i>	10
Кто малютокъ грѣветъ <i>М. Пожаровой</i>	11
Хорошо вамъ <i>А. Плещеева</i>	—
Картинка <i>А. Плещеева</i>	12
Больной ребенокъ <i>А. Майкова</i>	14
Мать <i>Г. Гайной</i>	15
Мать <i>И. Гриневской</i>	16
Мать и дѣти <i>А. Майкова</i>	—
Мать <i>Д. Мережковского</i>	17
Передъ сномъ <i>И. Гриневской</i>	—
Матери и дѣти <i>И. Горбунова-Посадова</i>	18
Какъ мало <i>И. Эренбурга</i>	20

МОЛИТВА МАТЕРИ.

Святая слеза <i>Ивана Бабина</i>	21
Дитя спать <i>М. Ватсонъ</i>	21
При свѣтѣ лучины <i>С. Д. Дрожжина</i>	23
Выплыль мѣсяць <i>А. Крулова</i>	—
Надъ кроваткой <i>И. Кослякова</i>	24

ВОСПОМИНАНІЯ О МАТЕРИ.

Мама <i>Л. Чарской</i>	27
Во снѣ <i>С. Надсона</i>	28
Я посвѣтилъ <i>Н. Некрасова</i>	29
Мать <i>И. Бунина</i>	30
Родимый очагъ <i>А. Плещеева</i>	34
Старая сказка <i>С. Надсона</i>	—
Картинка <i>И. Гуревича</i>	35
Мнѣ никто не скажетъ <i>И. Эренбурга</i>	36
Мать <i>Л. А. Чарской</i>	—
Тоска по матери <i>Н. Новичъ</i>	37

Молитва о матери.	<i>Е. Арцыбашева.</i>	—
Мать.	<i>С. Фруга.</i>	38
У родного дома.	<i>Анатолия Доброхотова.</i>	—
Мать и сынъ.	<i>Анатолия Доброхотова.</i>	39

ВЪ ДѢТСКОЙ.

Въ дѣтской.	<i>И. Бунина.</i>	41
Первый шагъ.	<i>Кальюла.</i>	42
Мама у кровати боль- ного мальчика.	<i>Ив. Блюцова.</i>	—
Мать.	<i>А. Крулова.</i>	44
Спокойной ночи!	<i>Н. Познякова.</i>	45
О, моя дѣточка!	<i>К. Бальмонта.</i>	46
Больной ребенокъ.	<i>Вас. Немировича-Дан- ченко</i>	47

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ РУС-
СКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Любовь матери.	<i>И. Гончарова.</i>	49
Материнская любовь.	<i>А. К. Шеллеръ-Михай- лова</i>	50
Мама.	<i>Б. Зайцева.</i>	51
Кого больше любить мама.	<i>Вик. Русакова.</i>	52
Мать и больное дитя.	<i>С. Аксакова.</i>	53
Николенька и его мама.	<i>Л. Н. Толстого.</i>	56
Посѣщеніе матери.	<i>Ф. М. Достоевскаго.</i>	59

КАРТИНЫ.

Мать учитъ дочь.	<i>М. А. Чижова.</i>	2
Первый шагъ	<i>Ф. Ф. Каменскаго.</i>	9
Молодая мать	<i>И. А. Пелевина.</i>	13
Мать и ребенокъ	<i>Ф. Ф. Каменскаго.</i>	19
Бѣдная мать	<i>Я. П. Турлыгина.</i>	25
Мать и дитя	<i>П. Трубецкаго.</i>	31
Мать и больной ребенокъ	<i>М. В. Лемоха</i>	33
Мать	<i>Пелевина</i>	43
Мать и ребенокъ	<i>А. Иванова</i>	53
На рукахъ у мамы.	<i>М. И. Зоценко</i>	57

— □ —

2014079494

MS
MS

